

Трагическая судьба детей, эвакуированных немецкими оккупантами из города Пушкина в 1941–1943 гг. (по архивным материалам)

С. К. Бернев

В данной статье рассматривается положение населения и детей города Пушкина, в 1941 г. оказавшегося на временно оккупированной немцами территории Ленинградской области. Также приводятся сведения о проведении немецкими оккупантами четырех эвакуаций населения в свой тыл из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. Впервые показана трагическая жизнь в немецкой оккупации детей, оставшихся в Пушкинском санатории малюток № 4 и их дальнейшая эвакуация, голодное существование в д. Остроговицы, а затем в д. Курковицы Волосовского района в 1942–1943 гг. Бывшие воспитанники детского дома, выжившие в неимоверно тяжелых условиях существования при немецких ставленниках, руководивших детским домом, рассказывают на следствии о гибели от голода и болезней малолетних детей из города Пушкина и о том, как они сами, истощенные от голода, хоронили их за кусок хлеба. Изученный материал позволил выявить места захоронения детей в парке и в лесу, которых необходимо найти и по-человечески захоронить.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградская область, оккупация, г. Пушкин, д. Остроговицы, д. Курковицы, детский дом, дети, Управление НКГБ по Ленинградской области.

Для цитирования: Бернев С. К. Трагическая судьба детей, эвакуированных немецкими оккупантами из города Пушкина // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 50–64. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_50. EDN: CMNBFM

Введение

Прошло 80 лет после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В нашей стране за эти годы многое изменилось. Непростая ситуация в мире не дает забыть нам об этой войне. В последнее время рассекречивается много архивных документов не только советских, а также трофейных немецких, периода Великой Отечественной войны, которые показывают нам как героические, так и трагические страницы военного прошлого.

До настоящего времени еще далеко не все известно о преступлениях нацистских властей и их пособников на оккупированной территории Ленинградской области: о гибели в лагерях военнопленных советских солдат, мирного гражданского населения, уничтожении душевнобольных, а также большой смертности детей, находившихся в детских домах, от болезней, голода и холода.

Важнейшим свидетельством истории Северо-Запада России в 1941–1944 гг. является объемное исследование «Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие», в котором известные специалисты Д. О. Асташкин, Б. Н. Ковалев, С. В. Кулик дали обстоятельную характеристику общим процессам порабощения взрослого населения [1].

В современной российской историографии по истории повседневной жизни детей вышла серия работ петербургского исследовательского коллектива под руководством доктора исторических наук Е. Е. Красноженовой [2–5]. В своих статьях В. К. Хазов, Д. О. Асташкин рассмотрели отдельные сюжеты повседневной жизни детей на оккупированных территориях Ленинградской области, преступления фашистов против детства, послевоенное судопроизводство в отношении преступлений против детства [6–9].

Целью данной статьи является попытка освещения повседневной жизни советских детей в специальных немецких детских домах.

Задачи:

1. Дать характеристику деятельности детских домов, созданных оккупационными властями на территории пригорода Ленинграда – Пушкина и ближайших районов Ленинградской области.
2. Изучить повседневную жизнь детей в детских домах.

3. Выявить взаимосвязь причин смертности и условий содержания детей.

4. Дать характеристику судеб и заслуженного уголовного преследования коллаборационистов-воспитателей в послевоенное время.

Источниками для данного исследования послужили документы и материалы, хранящиеся в фондах Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Основным подходом научного исследования стал метод исторической реконструкции, позволивший на основе анализа архивных документов проследить события с детьми в исторической взаимосвязи с повседневными практиками оккупационного режима и воссоздать картину повседневной жизни детей в детских домах оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг.

Результаты

17 сентября 1941 г. г. Пушкин был захвачен немецкими войсками. Часть населения города в этот день находилась в бомбоубежище Екатерининского дворца. Примерно в 16 часов немецкие солдаты стали стучаться в бомбоубежище, затем дверь была открыта, и всех там находившихся немцы вывели и отправили на пушкинский аэродром, где разместили в каком-то сарае. В эту же ночь немцы отобрали всех мужчин и отправили в Гатчинские концентрационные лагеря для военнопленных. А женщин утром 18 сентября 1941 г. вернули на свои квартиры в г. Пушкин [10, л. 28 об.–29].

С первых дней немцы начали выявлять в городе партийно-советских работников, за выдачу которых они объявили, что будут платить награду в 200 рублей. В Пушкине, около парка по Комсомольской ул. и по ул. 1 мая были устроены виселицы, на которых было повешено около 12 человек, среди них были: председатель горсовета, судья горсуда, директор треста столовых и ресторанов Бульен. В дальнейшем немцы создали городское управление, русскую полицию, а также начали функционировать комендатура, гестапо и др. [11, л. 29 об.–30].

Отделение пушкинского гестапо, так обычно называли немецкую полицию безопасности и СД, обосновалось в комнатах

Александра II Зубовского подъезда Екатерининского дворца [10, л. 28 об.].

В октябре 1941 г. бургомистром г. Пушкина немецким командованием был назначен М. И. Уртаев, который бесчеловечно относился к русским гражданам, отказывая им в выдаче пайков, в результате чего народ умирал от голода [13, л. 93 об.]

До войны в Пушкине проживало 60 тыс. чел., к приходу немцев часть успела выехать. Немцы провели четыре эвакуации из города.

1-я и 2-я эвакуация были проведены в 1941 г., было эвакуировано ок. 20 тыс. чел.

3-я и 4-я эвакуация были проведены в 1942 г. было эвакуировано ок. 10 тыс. человек.

Жителей г. Пушкина в лагере в г. Гатчине погибло свыше 12 тыс. чел., в лагере Рождествено свыше 5 тыс. чел.

В самом г. Пушкине погибло около 10 тыс. человек. В сентябре 1942 г. в г. Пушкине оставалось 300 чел., которые немцам нужны были как рабочие руки [10, л. 29 об.–30].

В немецкую эвакуацию попал и Пушкинский санаторий малюток № 4.

По какой причине дети остались в оккупации, рассказала на допросе 18 июля 1959 г. Роза Ильинична Зырянова, которая являлась председателем комиссии по эвакуации населения из г. Пушкина в 1941 г. и была наиболее осведомленной в данном вопросе: «Перед оккупацией Пушкина, все детские учреждения были эвакуированы в тыл 5–6 июля 1941 года в Ефимовский район. После этого поступило распоряжение возвратить ясли и детские сады обратно в Пушкин, так как было принято решение раздать детей родителям. Свои обязанности председателя комиссии по эвакуации населения я закончила 26 августа 1941 года, когда был отправлен последний эшелон, который уже не смог выехать из Ленинграда дальше в тыл.

Руководящие работники района продолжали оставаться в Пушкине до 16 сентября, а 17 сентября 1941 года в г. Пушкин вошли немцы. Наш секретарь райкома Бабайкин ушел из Пушкина в день вступления немцев. В последний момент было установлено, что зав. Райздравотделом Облонская и заведующая яслями Цветкова самовольно уехали в Ленинград, оставив в яслях на ул. Революции, дом 10, детей, которые по разным причинам не были

взяты родителями. Эти ясли так и остались в оккупированном немцами Пушкине. Впоследствии я слышала, что часть детей была взята родителями, а часть осталась, и эти ясли потом пополнялись новыми детьми, оставшимися без родителей. Я слышала, что с этими яслями выехала из г. Пушкина доктор Колесникова. Потом эти ясли пополнялись детьми всех возрастов. Где они находились на оккупированной территории я не знаю» [13, л. 66–67].

На 17 сентября 1941 г. в санатории малюток № 4 осталось 75 детей в возрасте от 2 до 5 лет. Из обслуживающего персонала остались с детьми врач Елена Ивановна Колесникова, бухгалтер Леонова, шесть санитарок, повара и кладовщик [13, л. 72].

При немцах санаторий находился в Пушкине около 40 дней. За это время умерло 6–7 человек маленьких детей. Продуктов у санатория оставалось всего на несколько дней, так как немцы отобрали половину всех запасов. Поэтому врач Е. И. Колесникова обратилась в октябре 1941 г. к немецкому бургомистру г. Пушкина М. И. Уртаеву, чтобы он оказал помощь детям продуктами, но он продуктов не выделил, а предложил их эвакуировать в тыл немцев. В итоге немецкой комендатурой были предоставлены шесть автомашин, на которых детей и персонал 20 октября 1941 г. вывезли в г. Гатчину, а через сутки поездом вывезли на станцию Молосковичи Волосовского района. Поселили детей в нескольких километрах от станции, в д. Остроговицы, в бывшем имении в разбитом двухэтажном доме, где до войны находилась школа [13, л. 164 об.].

В Остроговицах в санаторий малюток немцы стали присылать детей разного возраста, потерявших родителей, и поэтому его называли детским домом.

Питание в детский дом по распоряжению немецкого коменданта стали подвозить крестьяне из деревень. Но и его не хватало [13, л. 72].

В Пушкине и Остроговицах заведующей детским домом была врач Е. И. Колесникова, которая очень внимательно относилась к детям. К весне 1942 г. детей прибавилось и стало около 90 чел. А 20 марта почти весь прежний персонал детского дома, приехавший из Пушкина, был снят с работы немецкими властями. Колесникова была направлена в д. Кикерино Волосовского района, где и проработала заведующей врачебным участком до 27 января 1944 г. [14, л. 223–224].

Затем заведующей детдомом была назначена немцами Ольга Васильевна Красовская, которая к детям относилась очень плохо, разбазаривала продукты, предназначенные детям. При ней дети все время умирали, но на их место приходили новые. Умерло примерно 30–35 маленьких детей. Умерших детей хоронили в парке недалеко от детского дома. Так, что в среднем в детдоме было все время ок. 75 детей. Никаких мер к улучшению положения детей Красовская не предпринимала [12, л. 25].

В августе 1942 г. в детдом в Остроговицы приехал на машине помощник немецкого коменданта Волосово капитан немецкой армии Герман Функ и вместе с ним Мария Александровна Бойкова, являвшаяся его сожительницей, которая объявила сотрудникам детдома, что она назначена немецким комендантом заведующей этого детдома. До августа 1942 г. Бойкова проживала в г. Пушкине и была эвакуирована немцами в Волосово [12, л. 62].

Вступление Бойковой в качестве заведующей детдомом ознаменовалось сразу же почти поголовной смертностью советских детей, привезенных из г. Пушкина. Бойкова не только не проявляла никакой заботы о детях, а всячески издевалась над ними и морила голодом. Когда Бойкова приняла детдом, в нем было примерно 75 детей. За период ее работы с 1942 по 1943 гг. в детдоме умерло около 40 малышей. Дети умирали от истощения и болезней, связанных с плохим питанием [12, л. 74].

В конце сентября 1942 г. детский дом немцы перевели в дер. Курковицы и поместили в здание монастыря [4, л. 14]. На монастырской территории выделили один дом [13, л. 73] (рис.).

За время пребывания заведующей детдома Бойковой сторож Горбачев похоронил 35–40 детей. Хоронил умерших детей и рыл могилы умершим детям только он.

Однажды Бойкова сказала Горбачеву, когда он хоронил умершего ребенка, чтобы он не зарывал его, так как завтра умрут еще двое и их можно будет зарыть всех вместе. Причем эти слова Бойкова произносила без всякой жалости к умершим детям [12, л. 70, 94]. Возможно, что жестокое отношение к детям у нее осталось от прежней деятельности в Пушкине, так как с марта 1942 г. Бойкова работала в «Городской Управе по захоронению умерших от голода трупов» [15, л. 66].

Весной 1943 г. Бойкова лично Горбачеву поручала избивать провинившихся розгами за то, что дети ходили из детдома в со-

седние деревни просить хлеба у местных жителей. Когда он категорически отказывался от применения телесных наказаний к детям, Бойкова поручала это дело уборщице детдома Евдокии, которая и исполняла приказание. Горбачеву неоднократно приходилось слышать крики детей, избиваемых Евдокией в классном помещении детдома. За невыполнение ее приказа Горбачев был вызван к немецкому коменданту, который находился в квартире Байковой, и выгнан из детского дома [12, л. 70, 194].

Рис. Фото Пятогорского Богородицкого женского монастыря в д. Курковицы Волосовского района, где находился в 1942–1944 гг. Детский дом. (Фото из архива автора. 2025 г.)

Бывшая воспитанница детского дома Пяль Ирландя рассказала, что Бойкова работая заведующей детдомом, умышленно занималась систематическими издевательствами над советскими детьми, морила их голодом, применяла лично сама телесные наказания, часто избивала детей сухими прутьями (розгами), за то, что дети просили у Бойковой кушать или иногда с целью сохранения своей жизни уходили побираться в соседнюю деревню. Также Бойкова применяла к детям наказание, помещала их на длительное время в холодное помещение под лестницей второго этажа детдома [12, л. 32].

И далее Пяль рассказала, что Бойкова имела поросенка, которого вскармливала молоком и хлебом из фондов детского питания. «При мне дети малыши лезли в корыто поросен-

ка руками и брали хлеб, а мы старшие дети отгоняли детей от корыта» [12, л. 145].

Свидетель Горбачев показал, что Бойкова очень часто наказывала детей за то, что дети просили у нее есть. Весной 1943 г. он был свидетелем того, как Бойкова запирала детей в отдельную холодную комнату за то, что они голодные просили хлеба. Когда советские дети, содержащиеся в детдоме, гибли от голода и холода, Бойкова расходовала продукты, предназначенные для кормления детей, на свои личные нужды. Расплачивалась с рабочими за ремонт ее комнаты хлебом. Дважды в неделю к ней приезжал немецкий капитан Функ, и она его кормила продуктами из кладовой детдома и расходовала их в неограниченном количестве.

Бывшая воспитанница детдома Генриетта Лумм рассказала: «Мне лично известно, что Бойкова, работая заведующей детдома в дер. Курковицы занималась издевательствами над советскими детьми применяла к ним различные телесные наказания, умышленно морила их голодом, вследствие чего за время ее работы была большая смертность детей. Так, мне лично самой приходилось носить умерших детей на кладбище.

От голода и телесных наказаний умерли – Тамара, 5–6 лет, Лида и Боря 5 лет, Коля, Юра 4–5 лет, Толя и Галя 6–7 лет. Все вышеперечисленные дети были похоронены при непосредственном моем участии. Могилы для них рыл дворник. Я также была в декабре 1942 г. помещена Бойковой в холодную, темную кладовую, за то, что ходила побираться в деревню, чтобы не умереть от голода» [12, л. 102].

Свидетель Картавина рассказала, что зимой 1942–1943 гг. положение в детдоме было очень тяжелое: в комнатах холодно, дети голодали и болели, само здание детдома находилось в антисанитарном состоянии, у детей не было необходимой одежды и обуви, они спали по два человека на кровати. В связи с этим дети младшего возраста умирали. Умирать дети начали еще в дер. Остроговицы, но большая часть была похоронена в Курковицах. Регистрация умерших детей не велась. В эту зиму умерло не менее 40 человек малышей. «Я лично видела, как умерших ребят девочка Генриэтта завертывала в тряпки и носила в ямы для захоронения. Хоронили их вблизи дома на опушке леса» [12, л. 150].

Свидетель В. П. Зайцева рассказала: «Зимой 1942–1943 гг. все мы очень голодали. Мы отощали и кроме того у нас распространилась в Курковицах часотка и цынга. Начиная с осени 1942 г. у нас начали умирать дети, в основном малыши. ...Малышей, которые умирали хоронили прямо на территории детского дома, причем выносили трупы в простынях и закапывали голыми. Лично я, примерно в ноябре 1942 г. хоронила девочку примерно 8–9 лет по имени Фатма. Умерла она от голода и от цинги (от цинги у нее отвалилась нижняя губа и выпали все зубы). Похоронила я ее в лесу за домом, просто немного прикопав в землю» [13, л. 166].

Хоронить умерших детей заставляли взрослые и даже давали за это кусочек хлеба.

В отношении гибели детей зимой 1942–1943 гг. Зайцева дополнила, что весной 1943 г., когда стаял снег, то были видны ямки, где были захоронены дети. Земля в могилках осела и в некоторых ямках были видны то рука, то нога, то другие части трупа. Эти ямки потом заравнивали сами ребята, кажется одни мальчишки [13, л. 169].

Свидетель Горбачев показал, что «... такое бездушное отношение к погибающим советским детям, было для меня удивительным со стороны Бойковой. Были случаи мне приходилось хоронить по 2–3 человека в могилу. Захоронение умерших детей проводилось метрах в 50 от дома на (юг) вблизи больших елей. Это было свое детское кладбище, причем могилки не были огорожены ничем» [12, л. 140 об.]. На допросе в 1959 г. Горбачев уточнил: «...детей хоронил я в 7–8 метрах от большой ели, которая находилась в 50 метрах от детского дома» [13, л. 91]. Свидетель Г. А. Тихомиров (1929 г. р.) находился в детдоме с 1941 по 1945 гг., и рассказал на суде, что: «при Бойковой много детей умирало. Всех их хоронил дворник в старых окопах около детдома в Курковицах» [12, л. 213].

Медсестра детдома Анна Матвеевна Матвеева показала, что заведующая детским домом в Курковицах Бойкова умышленно морила советских детей голодом. Прибыв на работу в детский дом в августе 1943 г., «я лично сама наблюдала, что детям по указанию Бойковой давали в качестве пищи только 300 грамм хлеба и по 9–10 грамм масла, горячей пищи и чая детям не давалось вообще, за исключением пол-литра в день баланды,

поэтому дети выглядели совершенно изнуренные голодом. А уезжая осенью 1943 года из Курковиц в Волосово Бойкова увезла из детдома весь урожай детской пшеницы, картофеля, а также детдомовского 2-х летнего бычка» [12, л. 77 об., 88].

В конце августа 1943 г. заведующей детдома немецкой комендатурой в Волосово была назначена В. А. Иванова, эвакуированная из Пушкина в Волосовский район.

Бойкова, уходя из детдома передала по акту Ивановой 44-х детей. Один акт был у Ивановой второй передан в немецкую комендатуру [12, л. 56, 56].

Иванова же на следствии показала, что приняла от Бойковой детский дом в Курковицах и лично видела, что помещение детдома находится в антисанитарном состоянии, дети были разуты и раздеты. Всего приняла примерно 32 ребенка, но никаких документов об умерших детях в детском доме не велось, и она их не принимала. Она сказала Бойковой о плохом состоянии детского дома, на что она ответила: «Вы не расстраивайтесь, что дети плохо выглядят, если умрут зароешь, у меня их много умерло, тут ничего страшного нет» [15, л. 93 об., 94].

К детям Иванова относилась хорошо, проявляла о них заботу и ей удалось немного улучшить их положение после хозяйничанья бывшей заведующей Бойковой [6, л. 233].

Однако на этой должности Иванова проработала непродолжительное время до конца октября 1943 г. и затем эвакуировалась добровольно в Германию [15, л. 37 об.]. Заменила Иванову на должности, заведующей детским домом Елена Алексеевна Зверева.

После освобождения Ленинградской области от немецких оккупантов детский дом оставался в Курковицах, а в 1947 г. (по другим данным летом 1944 г. – прим. авт. [12, л. 97]) переехал в дер. Татьянино и был переименован в Волосовский детский дом [13, л. 236].

А бывшая заведующая немецким детдомом в Курковицах Бойкова 21 апреля 1950 г. была арестована органами государственной безопасности в Ленинграде, где работала учителем в школе.

На следствии были допрошены десятки свидетелей, работники и бывшие воспитанники детского дома в Курковицах, которые и рассказали о тяжелой, голодной жизни беззащитных детей и издевательствах над ними заведующей детского

дома Бойковой, повлекших большую смертность детей в период немецкой оккупации.

4 июля 1950 г. Бойкова была осуждена на основании ст. 58–1а и 58–10 ч. 2 УК РСФСР, по совокупности совершенных преступлений, на 25 лет заключения в ИТЛ. Однако в дальнейшем Определением военного трибунала ЛенВО в 1955 г., по протесту Военного прокурора ЛенВО ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР была исключена из приговора, ее действия переквалифицированы на ст. 58–3 УК РСФСР и мера наказания была снижена до ШЕСТИ лет лишения свободы в ИТЛ.

Оказывается, что в «результате действий Бойковой особо тяжких последствий материалами дела не установлено» и военный трибунал округа снизил ей меру наказания до 6 лет, хотя Военный прокурор просил снизить до 10 лет [13, л. 258–259].

В 1959 и 1965 гг. бывшая заведующая немецким детским домом в Курковицах Бойкова писала жалобы в прокуратуру, в которых отрицала свою вину, указывала, что ее оговорили, и просила ее реабилитировать. И, как многие немецкие каратели и пособники в середине 1950-х, заявляла о «незаконных методах ведения следствия». В результате сотрудниками прокуратуры были проведены тщательные проверки, и все свидетели подтвердили свои прежние показания, как и в 1950 г. Жалобы Бойковой были оставлены без удовлетворения [13, л. 205, 211].

В 1959 г. Государственный архив Октябрьской революции и соцстроительства Ленинградской области на запрос Военного прокурора ЛенВО о деятельности детских домов в д. Остроговицы и Курковицы сообщил, что сведений не обнаружено. Поисковые работы мест захоронения не производились.

И, вероятно, сегодня об этом детском кладбище, где похоронены умершие от голода 40 детей, никто не знает, как и о том, что в Курковицах в годы оккупации был детский дом.

Информация о захоронении 40 детей в 50 метрах от бывшего детского дома была представлена автором на заседании Консультативного совета по архивно-поисковой работе при Следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области 23 мая 2023 г. и была дополнена новыми уточненными данными на заседании Консультативного совета 8 июля 2025 г. с предложением найти место захоронения детей и достойно их перезахоронить. Но пока место захоронения не установлено.

О трагических страницах злодеяний немецких оккупантов на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной войны мы должны знать и всегда помнить.

Обсуждение и выводы

Изученные материалы архивных фондов позволили найти ранее неизвестную информацию о первых месяцах немецкой оккупации г. Пушкина, о проведенных четырех эвакуациях населения в 1941 и 1942 гг. из прифронтовой зоны в более отдаленные районы [11, л. 29 об.–30].

Уникальными являются показания выживших в немецкой оккупации воспитанников и работников детского дома, а также других свидетелей о судьбе детского санатория (яслей), оставшегося в оккупированном Пушкине. Эти документы свидетельствуют о бесчеловечном отношении немецких оккупантов и их пособников к судьбе оставшихся без попечения родителей советских детей.

Впервые исследователям, несколько десятков лет занимающихся изучением данной темы, встречаются показания детей, которых взрослые заставляли относить на кладбище и хоронить младших детей за кусок хлеба или кусок сахара [13, л. 169].

В процессе работы с архивными документами нам удалось выявить места захоронения детей на территории нахождения детского дома в дер. Остроговицы и дер. Курковицы [12, л. 25, 140 об.]. Усилиями поисковиков и Следственного комитета Ленинградской области, при участии исторического сообщества, есть надежда уточнить места захоронения детей и достойно их захоронить.

Список литературы

1. Асташкин Д. Ю., Ковалёв Б. Н., Кулик С. В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие / под ред. Б. Н. Ковалёва. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. 420 с. EDN: OCTGBK
2. Красноженова Е. Е., Асташкин Д. Ю. Преступления против детства на Ленинградском судебном процессе (27 декабря 1945–4 января 1946 г.) // Вопросы истории. 2022. № 7–1. С. 70–82. EDN: MMRPEZ
3. Красноженова Е. Е. «Мы сразу стали взрослыми»: дети и подростки в условиях оккупации (на материалах Ленинградской области) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 458–464. EDN: JEGECM

4. Красноженова Е. Е. Архивные документы о преступлениях против детства на территории Северо-Запада России (1941–1945 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 38–43. EDN: QOFW XF

5. Красноженова Е. Е. Оккупанты и дети: 1941–1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 428–433. EDN: QVQT UT

6. Асташкин Д. Ю. Ленинградские дети на оккупированной Новгородской земле: мемуары Капы Захаровой // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 389–392. EDN: LFTK VR

7. Вычеров Д. А. Советское детство на оккупированной территории Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны: источниковедческий анализ // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 397–400. EDN: NNSL HK

8. Красноженова Е. Е., Хазов В. К. Повседневная жизнь детей и подростков в условиях оккупации: на материалах Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Вопросы истории. 2022. № 9–1. С. 121–132. EDN: BTWB MM

9. Хазов В. К. Положение детей на оккупированных территориях Ленинградской области в 1941–1944 гг.: научный потенциал воспоминаний как исторического источника // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 2 (34). С. 21–31. EDN: FIGP ZV

10. Архив Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб и ЛО). ФУД. Д. 37463.

11. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД. Д. П-46879.

12. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД. Д. 44498. Т. 1.

13. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД. Д. 44498. Т. 2.

14. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД. Д. П-90618.

15. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД. Д. П-51711.

The Tragic Fate of Children Evacuated by German Occupiers from the Pushkin City in 1941–1943 (Based on Archival Materials)

Stanislav K. Bernev

This article examines difficult life of the population and children of the Pushkin city, which was occupied by the Germans in 1941 and became part of the temporarily occupied territory of the Leningrad Region. It also provides information on four evacuations of the population carried out by the German occupiers from the frontline area to their rear in 1941–1942. For the first time, the article highlights the tragic lives of children who remained in the Pushkin Children's Sanatorium No. 4 during the German occupation and their subsequent evacuation and starvation in the Ostrogovitsy village, and then in the Kurkovitsy village in the Volosovsky district in 1942–1943. Former students of the orphanage, who survived in extremely difficult conditions under the German appointees who ran the orphanage, told the investigators about deaths of Pushkin children due to starvation and diseases, and how they themselves, exhausted from hunger, buried them for a piece of bread. The studied material allowed us to identify the burial sites of children in the park and forest, which the author suggests to find and honor.

Key words: Great Patriotic War, Leningrad Region, occupation, Pushkin, Ostrogovitsy, Kurkovitsy, orphanage, children, NKGB Department for the Leningrad Region.

For citation: Bernev, S. K. (2025) Tragicheskaya sud'ba detej, evakuirovannyh nemeckimi okkupantami iz goroda Pushkina v 1941–1943 gg. (po arhivnym materialam) [The Tragic Fate of Children Evacuated by German Occupiers from the Pushkin City in 1941–1943 (Based on Archival Materials)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 50–64. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_50. EDN: CMNBFM

References

1. Astashkin, D. Yu., Kovalyov, B. N., Kulik, S. V. (2018) *Nacistskij rezhim na Severo-Zapade Rossii. Okkupaciya. Soprotivlenie. Vozmezdnie* [The Nazi Regime in Northwest Russia. Occupation. Resistance. Retribution]. St. Petersburg: Izd-vo Politehn. un-ta. (In Russ.). EDN: OCTGBK
2. Krasnozhenova, E. E., Astashkin, D. Yu. (2022) Prestupleniya protiv detstva na Leningradskom sudebnom processe (27 dekabrya 1945 – 4 yanvarya 1946 g.) [Crimes against children at the Leningrad trial (December 27, 1945 – January 4, 1946)]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 7–1. Pp. 70–82. (In Russ.). EDN: MMRPEZ
3. Krasnozhenova, E. E. (2022) «My` srazu stali vzrosly`mi»: deti i podrostki v usloviyah okkupacii (na materialah Leningradskoj oblasti) [“We immediately became adults”: Children and teenagers under occupation (based on materials from the Leningrad region)]. *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: soby`tiya, uchastniki, simvoly`* [The Great Patriotic War in the history and memory of the peoples of Southern Russia: events, participants, symbols]. Materials of the III All-Russian scientific conference. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNCz RAN. Pp. 458–464 (In Russ.). EDN: JEGECM
4. Krasnozhenova, E. E. (2022) Arhivny`e dokumenty` o prestupleniyah protiv detstva na territorii Severo-Zapada Rossii (1941–1945 gg.) [Archival documents on crimes against children in the territory of North-West Russia (1941–1945)]. *Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura* [Caspian region: politics, economics, culture]. No. 3 (72). Pp. 38–43. (In Russ.). EDN: QOFWFX
5. Krasnozhenova, E. E. (2022) Okkupanty` i deti: 1941–1944 gg. (na materialax Severo-Zapada Rossii) [Occupiers and Children: 1941–1944 (Based on Materials from Northwest Russia)]. *Ucheny`e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University]. No. 4 (43). Pp. 428–433. (In Russ.). EDN: QVQTUT
6. Astashkin, D. Yu. (2022) Leningradskie deti na okkupirovannoj Novgorodskoj zemle: memuary` Kapy` Zaxarovoj [Leningrad Children on Occupied Novgorod Land: Memoirs of Kapa Zakharova]. *Ucheny`e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University]. No. 4 (43). Pp. 389–392. (In Russ.). EDN: LFTKVR
7. Vy`chero, D. A. (2022) Sovetskoe detstvo na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada Rossii v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: istochnikovedcheskij analiz [Soviet childhood in the occupied territory of Northwest Russia during the Great Patriotic War: a source study analysis]. *Ucheny`e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University]. No. 4 (43). Pp. 397–400. (In Russ.). EDN: NNSLHK
8. Krasnozhenova, E. E., Hazov, V. K. (2022) Povsednevnyaya zhizn` detej i podrostkov v usloviyah okkupacii: na materialah Leningradskoj oblasti (1941–1944 gg.) [Everyday life of children and adolescents under occupation: based on the Leningrad region materials (1941–1944)]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 9–1. Pp. 121–132. (In Russ.). EDN: BTWBMM
9. Hazov, V. K. (2022) Polozhenie detej na okkupirovanny`h territoriyah Leningradskoj oblasti v 1941–1944 gg.: nauchny`j potencial vospominanij kak istoricheskogo istochnika [The situation of children in the occupied territories of the Leningrad region in 1941–1944: the scientific potential of memoirs as a historical source]. *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor`evicha i Nikolaya Grigor`evicha Stoletovy`h. Seriya: Social`ny`e i gumanitarny`e nauki* [Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series: Social and Humanitarian Sciences]. No. 2 (34). Pp. 21–31. (In Russ.). EDN: FIGPZV
10. *Archiv Upravleniya FSB Rossii for g. Sankt-Petersburga i Leningradskoi Oblasti* [Archive of the FSB Directorate for St. Petersburg and Leningrad Region] (hereinafter – AUFSPB SPB i LO). Fudd. D. 37463.
11. AUFSPB SPB i LO. FUD. D. P-46879.

12. AUFSB SPB i LO. FUD. D. 44498. T. 1.
13. AUFSB SPB i LO. FUD. D. 44498. T. 2.
14. AUFSB SPB i LO. FUD. D. P-90618.
15. AUFSB SPB i LO. FUD. D. P-51711.

Об авторе

Бернев Станислав Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда», Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: bernev_sk@gmmobl.ru; ORCID ID: 0009-0005-6424-8042

About the author

Bernev Stanislav K., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of the History of the Defense and Siege of Leningrad, The State Memorial Museum of Defense and the Siege of Leningrad, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: bernev_sk@gmmobl.ru; ORCID ID: 0009-0005-6424-8042

Статья поступила в редакцию 23.07.2025

Одобрена после рецензирования 16.10.2025

Принята к публикации 23.10.2025